

Каневский Александр

Два старых муравья

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-7
ББК 84-7
К19

К19 **Каневский Александр**
Два старых муравья / Каневский Александр – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2023. – 148 с.

ISBN 978-5-6049501-8-0

В этой повести всемирно известного писателя-юмориста есть всё: занимательная интрига, драматические столкновения в комедийном плане, много забавных диалогов и импровизации «на текущие злобы дня».

Песни сопровождают все действия, и даже один танец автор в неё вставил.

Все условия водевиля выполнены! Читайте и судите сами.

ISBN 978-5-6049501-8-0

© Lennex Corp, 2023
© Каневский Александр, 2023

СОВРЕМЕННОСТИ И КЛАССИКИ



СОВРЕМЕННОСТИ И КЛАССИКИ

АЛЕКСАНДР КАНЕВСКИЙ

ДВА СТАРЫХ МУРАВЬЯ

Повесть-водевиль



Москва

Интернациональный Союз писателей

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К19

Составитель серии Елена Наливина

Каневский, Александр

К19 Два старых муравья / А. Каневский. – Москва: Интернациональный Союз писателей, 2023. — 148 с. (Серия «Современники и классики»).

ISBN 978-5-6049501-8-0

В этой повести всемирно известного писателя-юмориста есть всё: занимательная интрига, драматические столкновения в комедийном плане, много забавных диалогов и импровизации «на текущие злобы дня».

Песни сопровождают все действия, и даже один танец автор в неё вставил.

Все условия водевиля выполнены! Читайте и судите сами.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-6049501-8-0 © Александр Каневский, 2023
© Интернациональный Союз писателей, 2023

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель может спросить, что это за странный жанр: повесть-водевиль? Отвечу вопросом на вопрос: а почему нет? Ведь существует повесть-детектив, повесть-мелодрама, комедийная повесть, трагическая, эксцентрическая. Так почему повесть не может быть водевильной?

Листаю словари: «Водевиль – это вид комедии, где диалоги и действие построены, как правило, на занимательной интриге, сочетаются с музыкой, песнями и танцами. Облегченная форма изложения... Драматические столкновения в комедийном плане... Импровизации на текущие злобы дня».

Ещё раз проверяю: занимательная интрига в повести имеется, есть драматические столкновения в комедийном плане, и много забавных диалогов, и импровизации на текущие злобы дня тоже есть, и песни сопровождают всё действие, и даже один танец я сюда вставил. Все условия водевиля выполнены.

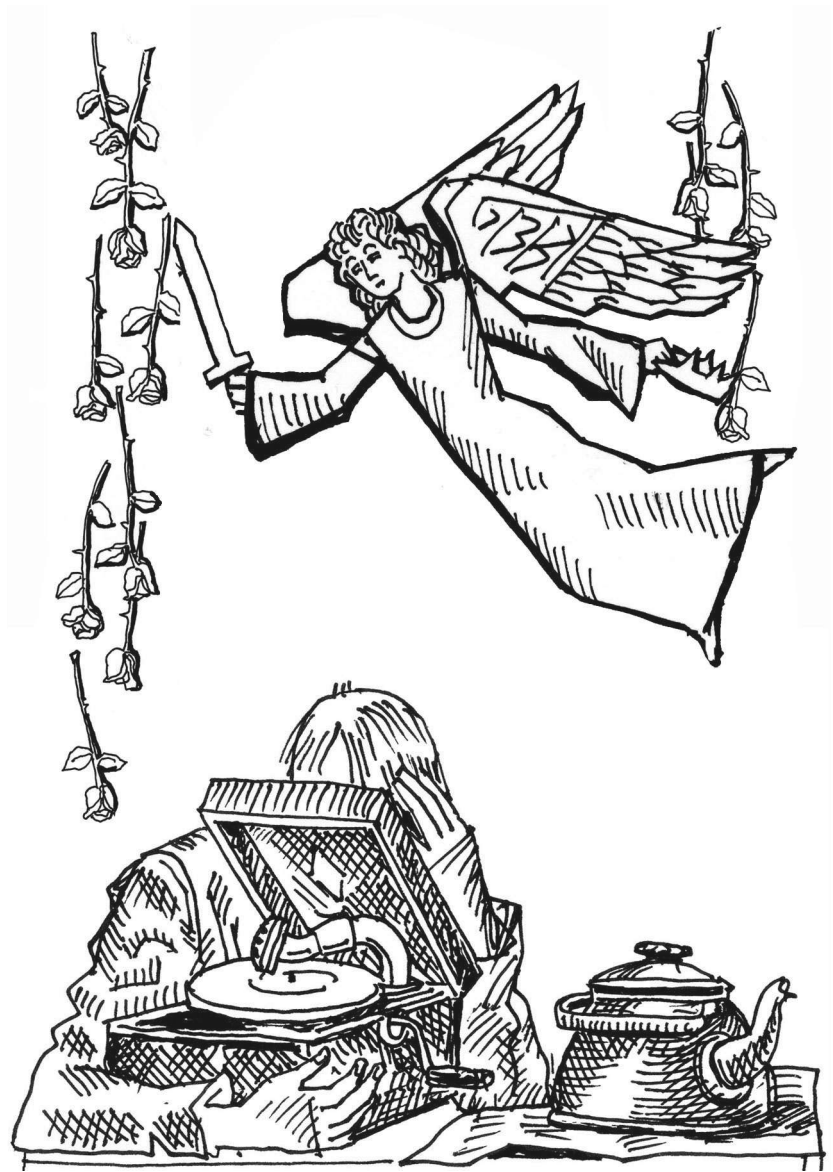
Спросите, а для чего это мне нужно? Отвечаю, снова цитируя словари: «Легкий характер содержания является отличительной чертой водевиля». Вот ради этой спасительной фразы я и придумал этот жанр! Не поняли? Объясняю. Если будут претензии от критиков, что-нибудь вроде: «Перегруз нравоучений (или наоборот: недогруз). Автор пытается философствовать (или наоборот: не пытается). Очернение действительности (или наоборот: её лакировка)» – я даже не стану оправдываться, а просто разведу руками и с наивной улыбкой им отвечу, мол, что вы хотите – это же водевиль!

Вы меня поняли? Я очень рад. Переверните страницу и – приятного чтения!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Открыв обложку, читатель сразу окунётся в серую предрассветность, сквозь которую можно разглядеть Кремлёвские башни, Собор Василия Блаженного, высотное здание Университета, Останкинскую телебашню, разглядеть и решить, что это повествование начнётся на улицах и площадях Москвы. Но когда наступившее утро сметёт с небесной скатерти уже ненужные звёзды, как крошки со стола после ужина, станет видно, что соборы, высотные здания, университет, телебашня – это всё макеты, которые расставлены на полках в квартире главного героя этой повести Сан Саныча Грибанова. (Друзья его называют Санычем, и я тоже буду так его называть.) Вот и получается, что наша повесть начнётся не на площадях Москвы, а в маленькой квартирке, однокомнатной, но с довольно просторной кухней, где сейчас и находится хозяин квартиры, в пижаме, в тапочках и в прескверном настроении. Быть может, из-за погоды. Уже месяц стоит изнуряющая жара, вокруг Москвы пожары, горят пересохшие леса и торфяники. Сквозь задраенное окно проникает запах гари, за стеклом – горячая пыль, перемешанная с пеплом, донесённым ветром из Подмосковья. Эта смесь раздражает горло, затрудняя дыхание и вызывая кашель. На тротуарах, на деревьях, на крышах – тоже слой пыли и копоти: порывы ветра сметают их и уносят вверх, в небо, почерневшее, как сковородка, которую давно пора отдраить и помыть, но нечем.

Москва безуспешно ждёт дождя. И Саныч тоже.



Он сидит на табуретке у стола, подперев голову ладонями, а рядом, на столе, стоит старый, потёртый патефон и, поддерживая настроение хозяина, поёт:

*Играют там джазбаны,
Танцуют обезьяны
И скалят искалеченные рты...
А я, больной и пьяный,
Сажу у фортепьяно
И сыплю им в шампанское цветы...*

Входная дверь открывается (как потом выяснится, она никогда не бывает закрыта), входит Аркадий Сергеевич Арский, красивый, вальяжный, не в пример хозяйну квартиры уже гладко выбритый и окутанный ароматом «Босса». Не здороваясь, проходит к столу, хлопает по нему ладонью – патефон замолкает. И только после этого обращается к Санычу.

– Не заходишь, не звонишь? Мобильник не отвечает! Телефон отключен!.. И, как говорят в Одессе, не надо на меня так молчать! Что случилось?

– Душа покоя просит.

– А воблы? А пива? – вынул из целлофанового пакета большую рыбину и две банки пива. – Доставай масло.

– Нету.

– А лучок?

– Тоже нет.

– У тебя же всегда был забит холодильник.

– И сейчас забит. Гвоздями. Пока Дэзи была жива, покупал ей, покупал себе, а теперь... Питаюсь в кафе.

– Ладно, обойдёмся. – Аркадий Сергеевич вскрыл банки, разорвал рыбину пополам, протянул половину Сан Санычу. – Ну, с добрым утром!.. – чокнулись банками. – Как воблочка?

Саныч наконец улыбнулся.

– Класс!.. – и тут же подавился костью. – О чёрт!.. Чёрт!..

Арский схватил со стола засохшую корку хлеба и протянул Санычу.

– На, протолкни!.. Сколько я тебя знаю, всё время давишься костью. Чего спешишь?

– Чтоб ты не отобрал. Фу-у-у, проскочило. Знаешь, как я умру? Подавлюсь костью, и некому будет подать мне корку хлеба.

Арский несколько секунд внимательно смотрит на него. Потом садится рядом на табуретку.

– Ты в трансе? – Не дождавшись ответа, взял его за плечи и встряхнул. – Что случилось?

– Ничего особенного, просто меня выпроваживают на пенсию.

– Всего-то?.. А ты не соглашайся. Можно жаловаться.

– На что? Они и так терпели меня лишние годы. И потом, всё очень пристойно, деликатно: «Вам уже, наверное, тяжело?.. Ваши ученики продолжают ваше дело. Вы были и останетесь лучшим макетчиком в Москве...» К медали представили, провода готовят.

– Ну и плюнь! Своё дело откроешь – к тебе все их заказчики перебегут.

– Какой из меня бизнесмен! Да и их тоже можно понять – сегодня уже другой темп, другой объём, я не успеваю. Да и рука у меня уже не та.

Саныч хлопнул ладонью по столу – и патефон продолжил прерванную песню:

*...И тогда с потухшей ёлки
Тихо спрыгнул ангел жёлтый
И сказал: «Маэстро бедный,
Вы устали, вы больны... »*

Арский в сердцах тоже хлопнул по столу – патефон умолк.

– Почему не купишь магнитофон? Возишься с этим ископаемым!

– Он со мной весь Афган прошёл, ты же знаешь. А до этого – с батей, от Сталинграда до Берлина.

– Ну и всё: отработал своё – пора на пенсию.

– Вот и они мне так говорят.

Арский смутился.

– Извини!

– Он у меня – член семьи. Будем доживать вдвоём, два пенсионера.

– Нет, я тебе не дам стать раком-отшельником! – Аркадий Сергеевич решительно поднялся с табуретки, раздёрнул шторы на окне, включил вилку телефона в розетку. – Кофе у тебя есть?

– Растворимый.

– Угости.

– Пожалуйста.

Саныч достал банку, всыпал кофе в стакан, потом открыл кран и наполнил стакан водой.

Арский в ужасе:

– Что ты делаешь?

– Ты же просил кофе.

– Из-под крана?!

– А что? Вода чистая, горячая. Я себе всегда так готовлю.

– А из лужи не пробовал? Где у тебя чайник? – взял со стола чайник, налил в него воду, включил. Прислушался. – Кажется, телефон?

Саныч с насмешкой:

– Через два этажа слышишь?

– Ты прав, показалось.

В голосе Саныча насмешка сменилась сочувствием.